

ДОРОГА НА «БОЛЬШУЮ ЗЕМЛЮ»

Начались «блокадные дни». С 18 января, даты, когда празднуется прорыв блокады, души ленинградцев берегут воспоминания. На встречах ветеранов они стоят поют «Ладугу» – песню про легендарную трассу, проложенную по льду Ладожского озера – единственную ниточку, связывающую город с Большой землей. Скольким ленинградцам она дала надежду на выживание!

Владимир Петрович Саргсянц, ныне проживающий в пансионате для ветеранов Великой Отечественной войны «Красная Звезда» в поселке Смолячково, прислал нам полный боли рассказ о сложности эвакуации по Дороге жизни.

СЕМЕЙНЫЙ СОВЕТ РЕШИЛ: ЭВАКУИРОВАТЬ

В январе 1942 г. жить стало все труднее – съедены запасы корнеплодов, собранных из-под снега на полях совхоза «Пригородный», столярный клей, перетрум и горчица. У меня уже не было сил ходить к вокзалу за торфом, который, под носом у часовых, я грузил на саночки и вез домой в гору. Из него мы также пекли лепешки.

На семейном совете решено было эвакуировать меня с маминной теткой на «Большую землю». 11 февраля мы с бабушкой отправились в Ленинград, чтобы сесть на поезд, идущий к Ладожскому озеру. На мне было два зимних пальто, трое брюк, солдатские ботинки и шапка-ушанка. Проехав за пачку «Беломора» половину пути на полуторке, мы довольно быстро добрались до Финляндского вокзала. Здесь, дожидаясь ночи, уже стоял состав.

ПО ДОРОГЕ ЖИЗНИ

Утром, прибыв в Борисову Гриву, мы по узкой тропе пошли на берег. Шли медленно: кто – с мешками и чемоданами, а кто – с саночками, на которых лежали умирающие родственники. Нужно было пройти 5-6 км до озера. Но впереди нас ждали страшные испытания. На берегу озера был большой двухэтажный барак – эвакуопункт. Поднявшись на четвереньках по широкой лест-

нице прямо на второй этаж, я, рассказав о пропаже в поезде моей метрики и теткингого паспорта, получил эвакуационные удостоверения, номер

ЗИСа и время отправления. Когда стемнело, мы залезли в автобус, прилегли на мешки и тронулись в путь. Утром в районе деревни Лаврово мы выбрались на другой берег и по дороге поехали к станции Жихарево. В столовой для эвакуированных был приготовлен обед: на первое – мясной жирный борщ с большим куском свинины, на второе – громадная мясная котлета, на третье – компот. Как и другие, я быстро съел борщ, а второе и третье бабушка, не имея возможности уговорить меня отказаться от еды, смахнула на пол. Вы-

дали нам и сухой паек – «палку» твердокопченой колбасы, большую плитку шоколада и 1 кг черных сухарей.

ДОЛГИЙ ПУТЬ В ГОРОД БУЙ

Учитывая, что отъезд будет вечером, а сытный обед располагал ко сну, я прилегал на чьи-то мешки и заснул. Пока спал, был организован дополнительный состав, на котором, к моему горю, уехала и бабушка с запасами еды и документами.

Вечером подали наш эшелон – тринадцать деревянных

тастрофическое, после страшных ленинградских заперов начался колит, вытягивавший последние силы. И в таком положении находилось большинство пассажиров состава. Вот почему, когда поезд останавливался, все спешно выходило и тут же рассаживались вдоль насыпи. Никто не горевал по умершим в дороге родственникам. Проблема была в том, что нельзя было везти покойников в вагоне – их либо сбрасывали под откос, либо, по договоренности с комендантом, складывали в штабель на переходных площадках вагонов.

Я усыхал прямо на глазах – кости на кистях руках просвечивали, пальцы согнулись так, что я не в состоянии был держать кусок хлеба, а деревянную ложку мне привязывали к руке веревочкой.

«ВЫКУРЕННЫЙ», НО НИКАК НЕ «ЭВАКУИРОВАННЫЙ»

Но вот и Буй! Нас стали выводить, выносить и вытаскивать из вагонов. Горисполком мобилизовал для встречи и обслуживания молодежь города. Вначале нас направля-

ли в санпропускник. Там меня «отстирала» три дивчины, а одежду, постирав, направили на высокотемпературную обработку. Потом ленинградцев стали разбирать в семьи. Меня выбрала председатель уличного комитета центральной улицы им. В.И. Ленина – Екатерина Ивановна Корочкина. Ее мужа звали Илья Никанорович, у них было трое детей. Они приняли меня как родного, хорошо кормили, спать клали на русскую печь. Но постоянное чувство голода все равно было. Как только я смог сносно передвигаться, то стал ходить на рынок – меня угощали там молоком, картофельными лепешками. А если от сильного ветра я падал на снег, то прохожие поднимали и помогали дойти до места. В Костромской области, нас, выходцев из блокадного Ленинграда, называли «ковырянный», «выкуренный», но никак не «эвакуированный». Через некоторое время, не желая быть обузой этой семье, я переехал в деревню Пилатово в колхоз им. Свердлова.

Когда окончательно встал на ноги, то, как самый грамотный, стал работать нарочным в сельсовете. Так началась моя работа в войну.

P.S. Я выжил, окреп, общил маме, что со мной все в порядке. Позже, вернувшись в Ленинград, я окончил Речное училище, дослужился до первого помощника капитана, поступил на работу в НИИ, а на учебу в ЛИИВТ. Там я встретил Валентина Ильича Корочкина, сына добрых людей из г. Буй. Но отношения наши не сложились – о его судьбе я ничего не знаю. В 1953г., возвращаясь из Москвы со Всесоюзных соревнований, я заехал в колхоз в Костромской обл., меня там помнили и прекрасно приняли. Но это уже было далеко не тот колхоз, а жалкое его подобие.

Владимир Саргсянц